

Э.Соловьев

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
– ВОЗМОЖЕН ЛИ ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ?**

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-21-36

В контексте 100-летия Октябрьской революции 1917 г. в публицистике и широких кругах политических аналитиков возникла интеллектуальная мода на размышления о нестабильности политических режимов государств, существующих на постсоветском пространстве. Продолжая исторические аналогии и с учетом социальных контрастов в новых независимых государствах, существенное внимание в ходе этой дискуссии уделяется перспективам «левого поворота», укрепления в странах СНГ позиций левых сил.

В XX в. левые идеи оказали значимое воздействие на формирование облика современной цивилизации. Постулаты марксизма придали мощный импульс развитию ряда крупнейших государств мира, среди которых достигший в середине XX столетия значительного (с учетом низкой стартовой базы) технического и технологического прогресса Советский Союз и поныне демонстрирующая высокую эффективность избранной модели развития Китайская Народная Республика. В то же время эти идеи немало сделали для гуманизации свободно-рыночного капитализма, внесения в него элементов социального регулирования и социального партнерства, создания государства всеобщего благосостояния.

В конце минувшего столетия левая идея пережила тяжелый кризис, связанный с несколькими факторами. В их числе – научно-техническая революция, становление информационного общества, многоплановое воздействие глобализации на социальные и политические процессы, а также, в немалой степени, – негативный эффект от развала блока социалистических государств и распада СССР.

Постсоветское пространство имеет свою специфику – одни кризисные факторы проявлялись здесь наиболее зримо (распад «мировой системы социализма» и эффекты глобализации), другие – в существенно меньшей степени, нежели чем в развитых странах мира (воздействие НТР и информационной революции). Например, в развитых странах существенную роль играл начавшийся во второй половине XX в. процесс сокращения общей численности и доли среди населения промышленного рабочего

класса – важнейшей социальной и электоральной опоры левых партий. Крупные промышленные предприятия с большим числом занятых постепенно перемещались в другие страны и регионы или вытеснялись мелкими и средними фирмами «новой экономики», «постиндустриальной экономики», «экономики знаний» (в том числе сервисными, информационными и др.).

В этом контексте сначала в западных обществах, а затем и по всему миру все большее распространение получал так называемый «новый индивидуализм». «Стремление к продвижению, мышление, ориентированное на владение собственностью, благосостояние и индивидуальные свободы приобретали все большее значение, – отмечали немецкие исследователи Х.Поттхоф и С.Миллер. – В связи с этим стали возникать трения с традиционной социал-демократической и профсоюзной ориентацией на коллективную организацию и всеохватывающее влияние социального государства» [1, с. 394]. Схожие процессы имели место и в постсоветских странах, однако их источником была не постиндустриальная модернизация и информатизация общественной жизни, а деиндустриализация, последовавшая за распадом СССР практически во всех образовавшихся на его месте государствах. При распаде СССР были запущены процессы промышленной деградации, социальной атомизации, индивидуализации сознания и поведения людей, фрагментации общества. Результатом стало скептическое отношение граждан к различным формам массовой активности и коллективным социальным проектам.

Очевидны для эволюции социалистических идей и последствия распада СССР, переориентации стран Восточной Европы на Запад. Тем самым, был нанесен чувствительный удар по левой идее, деморализованы, интеллектуально и политически разоружены многие из ее сторонников. Советский Союз рассматривался как действующая модель общества «победившего социализма». Одним из следствий его крушения на протяжении следующих двух десятилетий стало почти безраздельное политическое и интеллектуальное доминирование в мировом масштабе и на постсоветском пространстве неолиберальной идеологии и либерального политического дискурса.

Исследователи по-разному определяют суть процессов глобализации. В одних работах акцент делается на экономике, в других – на возникновении глобального информационного пространства, в третьих – на социальных аспектах глобализации. Однако, в любом случае, глобализация является объективным процессом, оказывающим влияние на все стороны жизни общества. На смену индустриальной эре приходит эпоха, когда доминируют высокие технологии (прежде всего, информационные, коммуникационные и биотехнологии, а в перспективе речь идет об их конвергенции). Они

напрямую связаны с центральным ресурсом новой экономики – производством знания.

Высокие технологии превращаются в определяющий компонент обеспечения безопасности, процветания и геополитического статуса государств. Развитие наукоемких производств позволяет обеспечить той или иной стране максимальную долю в передовых и наиболее перспективных секторах мировой экономики, в том числе, чтобы уравновесить неизбежный в условиях глобальной конкуренции упадок других (индустриальных) секторов.

Если говорить о воздействии глобализации на постсоветское пространство, то необходимо признать, что глобализация не детерминировала основные тенденции эволюции новых независимых государств, однако она создала специфический контекст функционирования молодых национальных экономик и становления политических систем этих государств.

В реалиях распада биполярного миропорядка страны СНГ оказались перед необходимостью определения своего статуса, места и роли в мировой политике. Глобализация сформировала ряд серьезных вызовов политическим элитам этих стран. Часть из них (наиболее очевидный пример – Грузия, чуть менее очевидный – Украина) определились со своими трансатлантическими ориентациями. Для других государств характерна многовекторность и многовариантность политики, предполагающая максимальное использование экономических преференций и политических дивидендов в отношениях с Россией и дистанцирование от нее в случае возникновения у Москвы конфликтных ситуаций с другими центрами силы.

В экономическом плане доминирует императив встраивания в глобальные экономические процессы, а не поиска собственной эффективной модели развития, что имеет долгосрочные последствия (помимо чисто интеллектуальных – социально-экономические и политические). Практически во всех государствах СНГ происходила деградация социальных структур (эрозия таких социальных страт, как техническая интеллигенция и промышленные рабочие), в ряде случаев практиковалось копирование неолиберальных подходов к социальной политике, причем, в отличие от Европы, в условиях существования невысоких социальных стандартов.

Важной проблемой в постсоветских государствах стало формирование новой национальной и политической идентичности. Активное продвижение идей строительства новых наций с обеспечением доминирования языков и культур титульных этносов объективно создало в этих странах серьезное внутривнутриполитическое напряжение, что в перспективе будет воспроизводить и поддерживать высокий градус национализма, тем

самым усиливая позиции правых националистических сил и осложняя жизнь левых партий.

Кроме перечисленного, важным фактором влияния на эволюцию левых идей и идеологий в странах СНГ стало воздействие общественно-политической мысли Запада (прежде всего стран Европы), где на рубеже XX–XXI вв. ситуация с развитием идей марксизма была совсем не простой.

Переход от индустриального общества к обществу услуг и информации, «экономике знаний», вызовы глобализации, кризис государства благосостояния и кейнсианской модели макроэкономического регулирования, компрометация идей социальной справедливости после краха СССР – все это обусловило «кризис идентичности» среди европейских левых. После распада СССР усугубились проблемы и без того переживавшего тяжелый идейный и политический кризис еврокоммунизма, что повлекло за собой распад, фрагментацию и «перезагрузку» ряда компартий, повлекшую за собой не просто смену их названия, но и идейного базиса (в том числе, в таких странах с сильными коммунистическими традициями, как Италия и Франция).

Значимые политические позиции в рамках политического процесса и в политических системах своих стран смогли сохранить лишь социалистические и социал-демократические партии с их идеологией социального реформизма. Но и они не избежали тенденции к трансформации с выраженным правым уклоном, окончательным отказом от марксизма, позитивным отношением к рыночной экономике, превалированием неолиберальных подходов к решению социальных и экономических проблем и к тенденциям глобализации, т.е. формированием отчетливо «неоревизионистского» [см. 2, р. 730-735] направления развития социал-демократии. Наиболее ярко тенденция к «маркетизации» социал-демократической идеологии, связанная с именами лейбористского премьер-министра Великобритании Тони Блэра и социал-демократического канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера, проявила себя в конце 1990-х годов в Лейбористской партии Великобритании и Социал-демократической партии Германии. В 1999 г. Т.Блэр и Г.Шрёдер опубликовали совместный программный документ «Европа: Третий путь – Новая середина» (“Europe: The Third Way – die Neue Mitte”) [3], в котором нашли отражение важнейшие установки модернистского, т. е. прорыночного и проглобалистского, течения в социал-демократии.

Сдвиг ряда социалистических партий вправо привел к длительным дискуссиям и кризису, к череде расколов внутри западной социал-демократии. Симптоматичным был выход из партий части членов, ориентированных на более традиционную левую идеологию, в Германии и во Франции. Это повлекло новые расколы и образование Левой партии

О.Лафонтена в Германии и Левой партии Ж.-Л. Меланшона во Франции. Борьба идей продолжается поныне [4; 5].

«Правый дрейф» европейской социал-демократии смог прервать лишь мировой социально-экономический кризис 2008–2009 гг. Среди левых получила распространение точка зрения, что мировой финансовый кризис – это, в сущности, кризис неолиберального капитализма и неолиберальной модели глобализации, подтверждающий справедливость их базовых представлений о необходимости политического регулирования экономических процессов. Это послужило импульсом к возрождению неокейнсианства, побудило европейских социалистов сместиться влево – к прекращению попыток «маркетизировать» свои программно-идеологические установки и укреплению тенденции поворота к традиционной марксистской концептуализации социально-экономических и политических процессов.

Наиболее ярким примером такой идейной эволюции стала Лейбористская партия Великобритании, в которой лидирующие позиции заняло левое крыло во главе с Дж.Корбином. Сторонники Корбина агитировали уже за социал-реформистскую программу, которая повысила бы роль неокейнсианских методов управления экономическими процессами, усилила регулирующую роль государства в экономике и снова расширила бы рамки социальной политики [см. 6]. Ныне наметился возврат западных социалистов – на новом уровне осмысления – к их основным, традиционным для европейской социал-демократии ценностям – свободе, равенству, солидарности, справедливости.

* * *

Эволюция социальной мысли и левых идеологий в странах Запада традиционно оказывала большое влияние на развитие социалистических идей на постсоветском пространстве. В результате на рубеже XX–XXI вв. **один из двух основных векторов** эволюции левых идей, организаций и партий – социалистический и социал-демократический – на постсоветском пространстве был заложен под влиянием постепенно захватывающего лидерство неоревизионистского направления в европейской социал-демократической мысли.

Возникновение социалистических и социал-демократических партий на постсоветском пространстве стало возможно в результате кризиса КПСС и распада СССР. Коммунизм при этом воспринимался значительными сегментами граждан как находящаяся в глубоком кризисе и потерпевшая историческую неудачу идеология. Зримым воплощением его исторического провала стал распад Советского Союза, тогда как социал-демократия в

общественном сознании в странах СНГ ассоциировалась с успешными реформами и достижениями в социальной сфере, прежде всего со становлением и развитием в странах Запада государства благосостояния. Это обстоятельство на переломе эпох в 1990-е гг. предопределило привлекательность социал-демократической альтернативы по сравнению с советской версией коммунистической идеологии.

Социалистические и социал-демократические партии Европы стали восприниматься значительными группами населения в России и других странах СНГ как более гибкие, более творчески и недогматически подходящие к марксистскому наследию. В то же время часть политической элиты видела в социалистических партиях эффективный способ мобилизации избирателей и достижения электорального успеха на конкурентных выборах с применением привычной населению социально-ориентированной левой риторики. В результате, в 1990-е гг. на постсоветском пространстве наметилась тенденция формирования большого числа партий социалистической или социал-демократической ориентации.

Во многом эти партии не были оригинальны и следовали в фарватере эволюции европейской социал-демократии – с ее колебаниями между идеалами демократического социализма и социальной справедливости, с одной стороны, и «неоревизионистскими» попытками модернизации социал-демократического кредо, с другой. При этом они имели и свою специфику, которая объяснялась как особенностями социально-экономического развития отдельных государств, так и спецификой исторического и политического контекста, в котором этим партиям приходилось функционировать.

Стандартный набор политических и экономических целей и задач социалистических и социал-демократических партий новых независимых государств сводился к следующему. В сфере экономики внимание концентрировалось на построении общества с многоукладной экономикой, предполагающей развитие всех видов собственности (частной, общественной и государственной), создание социально ориентированной рыночной экономики на основе синтеза достоинств капитализма и социализма. На уровне политических лозунгов и программных установок серьезный акцент также делался на государственное регулирование и ориентацию государственных институтов на обеспечение социальной справедливости и экономического благосостояния граждан.

В политической сфере возникавшие социалистические партии ставили перед собой задачи создания партийных структур «парламентского типа». В качестве основных целей провозглашались: создание правового государства, разделение властей, демократический социализм, социальные гарантии для средне- и малообеспеченных слоев населения, отстаивание

интересов трудящихся, обеспечение достойного существования всех социальных групп.

Социалистические партии также, как правило, выступали против национализма, шовинизма, религиозной и идейной нетерпимости. Но в части национализма здесь были возможны некоторые исключения. Например, старейшей из действующих на постсоветском пространстве социалистических организаций является Армянская революционная федерация Дашнакцутюн (созданная еще в 1890 г.), традиционно совмещавшая в своих программных установках социал-демократическую социальную программу и национализм.

Тем не менее, несмотря на популярность социалистических идей и распространенность на постсоветском пространстве марксистской идеологии, социалистическим партиям не удалось добиться в странах СНГ заметных политических успехов. Важно отметить, что степень влияния этих партий на политический процесс зависела и от характера существующего в данной стране политического режима. Так, в тех странах, где сложились очевидно авторитарные режимы (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан), социал-демократам не удалось закрепиться в парламентах [7, с. 93].

В то же время в ряде государств (Украина, Россия) социалисты или партии социалистической ориентации достигли относительно высоких результатов на выборах и в ряде случаев формировали собственные фракции в общенациональных парламентах. Однако их влияние на механизмы принятия политических решений и властные рычаги неизменно оставалось ограниченным.

В РФ, например, ниша социалистической политической силы с 2006 г. (с момента основания) была занята формально социалистической по ориентации партией «Справедливая Россия» С.Миронова. На самом деле, эта партия в российской системе политических координат скорее занимает левоцентристскую позицию, исповедует идеалы социального либерализма и является частью системной оппозиции российским властям – то есть выступает умеренным политическим оппонентом существующей власти, не слишком жестко эту власть критикующим.

Из общего правила – ограниченности влияния социалистов на процесс принятия решений – есть лишь два исключения. Это кейсы Республики Молдовы и Кыргызской Республики. Однако в обоих случаях относительные успехи социалистических партий были обусловлены причинами, не связанными с особенностями современной фазы развития социал-демократической мысли и, вообще, левой идеологии. Особенно ярко это проявилось в случае с Молдавией.

В Республике Молдова социалисты оказались способны вести реальную борьбу за власть в общенациональном масштабе в силу стечения ряда обстоятельств: 1) полная компрометация в глазах граждан и политическая маргинализация местных коммунистов к 2009 г., при сохраняющемся в обществе запросе на политическую повестку дня левых, на социальную справедливость и социально ориентированную внутреннюю политику; 2) левые смогли удержать значительный сегмент электората и постоянно возвращаться во власть потому, что молдавские правые (по крайней мере, большинство лидеров правых партий и движений) являются румынофилами и ориентированы на скорейшее подключение к западным институтам и структурам (НАТО, ЕС) – причем через объединение с Румынией.

Именно «геополитический» тип электорального поведения избирателей во многом определил политическую жизнеспособность молдавских левых – большая часть молдавского населения выступает против поглощения их страны Румынией. Таким образом, сначала коммунисты, а потом социалисты оказались действенной альтернативой непопулярным среди населения проектам подчинения Бухаресту. И даже нишу основной прозападной политической силы в последние годы заняли формально «левые» политики из Демократической партии Молдавии (входят в Социнтерн, а лидер партии В.Плахотнюк, ныне бежавший из Молдавии олигарх, был даже избран в 2017 г. вице-президентом Социалистического интернационала).

Тем не менее общей для социалистов на постсоветском пространстве стала другая тенденция – постепенное проседание рейтингов, снижение их влияния и рост недоверия избирателей к представителям социалистических партий. Социалисты провозглашают, в общем, правильные, способные вызвать широкую общественную поддержку лозунги, но ведут себя в парламентах так же, как и депутаты от других партий – забывают о предвыборных обещаниях, дрейфуют вправо при принятии политических решений или (в силу малочисленности парламентских фракций) практически не в состоянии оказать влияние на политические процессы. Доверия к ним все это, безусловно, не добавляет.

Другим вектором развития левых идей на постсоветском пространстве стала попытка использования авторитета КПСС (там, где он сохранился), ностальгии по Советскому Союзу с целью их конвертации в электоральные успехи на политической арене, т.е. попытка обеспечить поддержку со стороны избирателей за счет стратегии идеологической преемственности и опоры на традиционный электорат. Речь идет о коммунистических партиях, образовавшихся на постсоветском пространстве после распада СССР.

Постсоветские коммунисты апеллировали к социокультурным архетипам советской эпохи и к сложившейся за 70 лет советской исторической традиции. В период после распада СССР эта политическая стратегия в ряде стран (Россия, Украина – до запрета украинскими властями КПУ в 2015 г.) была достаточно успешной. Однако спустя почти три десятилетия после распада Союза такой подход уже не воспринимается позитивно значительной частью общества постсоветских стран, в том числе молодежи.

Наиболее показательным примером деятельности постсоветских коммунистических партий стала КПРФ. Коммунистическая партия Российской Федерации – традиционная массовая партия (по классификации Мориса Дюверже), она обладает разветвленной организационной структурой и массовой социальной базой. Последние 25 лет она имеет стабильный рейтинг и пользуется значительной, хотя и убывающей электоральной поддержкой. Партия дважды занимала первое место на думских выборах при голосовании по партийным спискам (1995 и 1999 гг.), а кандидат в президенты от КПРФ дважды был главным и даже реальным соперником победителя президентской гонки (на президентских выборах 1996 и 2000 гг.).

КПРФ подчеркивала свою приверженность идеям социализма и народовластия, выступала за формирование «планово-рыночного хозяйства», заключение нового межгосударственного договора в рамках СНГ, призванного реализовать стремление народов к восстановлению на добровольной основе единого союзного государства.

Руководство КПРФ с момента образования партии взяло курс на соединение государственно-патриотической идеологии и традиционного советского варианта прочтения марксизма, «красного» идеала социальной справедливости и идеи российской государственности. Попытки соединить марксизм-ленинизм с державным патриотизмом, коммунистические ценности – с ценностями русской цивилизации популяризировались Г.Зюгановым в ряде его печатных работ.

В опубликованной еще в 1994 г. книге «Держава» Г.Зюганов декларировал, что политическая борьба в российском обществе происходит не между пролетариатом и буржуазией (как того требовала бы классическая теория марксизма), а между патриотами-государственниками, отстаивающими мощь российской державы, и правящими в России антипатриотами-западниками, предающими национальные интересы и являющимися, по сути, агентами Запада. Лидер российских коммунистов утверждал, что КПРФ стремится соединить «красный» идеал социальной справедливости и идеал национально осмысленной государственности [8]. При этом Зюганов подчеркивал, что национально-освободительная борьба

должна вестись исключительно в мирных и нереволюционных формах, поскольку «наша страна исчерпала лимит на революции и прочие потрясения» [9, с. 77].

Помимо абсорбирования патриотических и державных ценностей, идеологическая эволюция КПРФ после 1993 г. состояла в принятии на вооружение некоторых концепций, не входящих в традиционную структуру марксистского общественно-политического дискурса (например, геополитических построений и некоторых положений концепции «устойчивого развития»). Происходил также отход от марксистской риторики и методологических принципов анализа текущей ситуации (хотя ритуальные апелляции к Марксу и Ленину в документах КПРФ сохранились). В ходе строительства новой коммунистической партии, которая действует в условиях конкурентной политической системы, в результате всех этих идейных исканий и идеологических синтезов идеология КПРФ, оставаясь левой в плане социальной ориентации, по другим аспектам – например, по отношению к государственным институтам, к церкви, к патриотизму – оказалась гораздо ближе к правым консерваторам.

Внешнеполитические установки КПРФ на протяжении уже четверти века остаются достаточно предсказуемыми. Главным внешнеполитическим приоритетом объявлялись задачи восстановления СССР, разрушенного в результате заговора отечественных компрадоров и Запада. Возможные сценарии развития событий на международной арене воспроизводят формулировавшиеся Г.Зюгановым еще в 1990-е гг. образы «планетарной диктатуры», «глобальной смуты» и «баланса интересов» [10, с. 74-79; 11, с. 79-83].

Коммунисты выступали против «нового мирового порядка», «империалистической глобализации», против вмешательства извне во внутренние дела и во внешнюю политику РФ. При этом позиция КПРФ по отношению к такому феномену, как глобализация, со временем эволюционировала. От полного неприятия и обличения «империалистической глобализации» [12, с. 51], осуществляемой по рецептам «мондиалистов» и представляющей собой «высшую стадию развития империализма» [13, с. 29], до гораздо более сбалансированной позиции по отношению к глобализации и проведению четкого различия между процессами глобализации и политикой глобализма.

Глобализация, с точки зрения КПРФ, – это явление новейшего времени, которое находится в процессе становления и развития. Глобализм же – политика ведущих империалистических держав, прежде всего США, по осуществлению соответствующей их интересам версии глобализации. В рамках глобализации человечество получает возможность сознательно и планомерно управлять развитием, развиваясь, как единое целое, а уровень

современной техники позволяет решать самые сложные задачи [14, с. 10-11; см. также 15]. Но в рамках идеологии и стратегии западного (американского) глобализма эту потребность реализовать невозможно.

Ключевым тезисом КПРФ, в соответствии с действующей программой партии, остается убеждение, что «спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма». Партия видит свою задачу в том, чтобы соединить социально-классовое и национально-освободительное движения в единый народный фронт [16]. Таким образом, КПРФ предложила довольно оригинальную для левой партии программу, связывающую государственное и социальное начало, патриотизм и пролетарский интернационализм [см. 17].

Хотя на рубеже XX–XXI вв. КПРФ прочно вошла в число ведущих политических сил современной России, проблем у нее тоже немало. Прежде всего до тех пор, пока Российской Федерацией в 1990-е годы правили ориентированные на Запад группы бизнеса и политического истеблишмента, проводившие откровенно неолиберальный социально-экономический курс, коммунисты получали серьезную поддержку широких слоев избирателей и всего так называемого «протестного электората», в т.ч. патриотических кругов, не склонных к левой политической ориентации. Однако как только В.Путин в начале XXI в. перехватил у них патриотическую инициативу, а социально-ориентированная риторика коммунистов так и не трансформировалась в конкретные решения и результаты, рейтинги КПРФ начали снижаться, численность партии – сокращаться, а ее политическое влияние – ослабевать.

Численность партии сократилась с примерно 500 тыс. членов (по утверждениям лидеров КПРФ) в начале века до примерно 162 тыс. на 1 января 2016 г. [18] (более свежих данных на сайте партии нет, что позволяет предположить – тенденция сокращения численности не была преодолена). Несмотря на благоприятные для коммунистов внешние обстоятельства – мировой экономический кризис 2008–2010 гг., попытки стран Запада «изолировать» Россию и в последние 5-6 лет, после принятия Акта Магнитского, вести с ней санкционную войну, – электоральная база КПРФ не выросла. Если в 1990-е гг. партия и ее лидер на выборах набирали двадцать – тридцать процентов голосов, то в 2000-х ее результаты оказались скромнее (на последних выборах в Государственную Думу КПРФ получила 9,5% мест – 43 из 450).

Руководство КПРФ прилагало немалые усилия к восстановлению межпартийных связей компартий на пространстве бывшего СССР. В 1993 г. в Москве состоялся XXIX съезд КПСС. Съезд временно, «до воссоздания обновленного Союза ССР», реорганизовал КПСС в Союз коммунистических партий – Коммунистическую партию Советского Союза (СКП-КПСС),

принял Программу и Устав, избрал Совет во главе с О.Шениным. Съезд провозгласил СКП-КПСС правопреемником КПСС, а коммунистические партии, действующие на территории бывшего СССР, – правопреемницами республиканских организаций КПСС. В 1993–1995 гг. коммунистические партии были восстановлены во всех прежних республиках СССР, кроме Туркменистана. В ряде республик на членской базе КПСС возникло несколько компартий и движений.

Таким образом, к июлю 1995 г. на постсоветском пространстве действовали 26 коммунистических партий и организаций, 22 из них, объединявшие 1 млн. 300 тыс. коммунистов, вошли в состав СКП–КПСС. При этом по сей день в ряде стран существует по несколько коммунистических партий, так что обусловленный амбициями лидеров, идеологическими разногласиями и иными причинами раскол ряда коммунистических национальных организаций окончательно не преодолен.

Например, в Грузии есть две коммунистические партии – Единая компартия Грузии (лидер – Тимур Пипия) и компартия Грузии. Чтобы оценить политический вес этих партий на национальной арене, достаточно упомянуть, что на парламентских выборах 8 октября 2016 г. они получили соответственно 1469 (0,08%) и 1773 (0,1%) голосов и, естественно, не прошли в парламент. Единая компартия более активна на международной арене, поскольку входит в СКП-КПСС, но добиться сколько-нибудь значимых успехов на грузинской внутриполитической арене ей не удастся.

В 2004 г. произошел раскол компартии Казахстана. Одна ее часть сохранила название Коммунистическая партия Казахстана вплоть до судебного запрета ее деятельности в 2015 г. Другая получила название Казахстанская народная коммунистическая партия и продолжает функционировать, набирая на последних выборах в национальный парламент довольно стабильные 7% голосов. Относительно влиятельные коммунистические партии существовали на Украине (КПУ во главе с П.Симоненко – до ее запрета властями в 2015 г.) и в Белоруссии.

Коммунисты во многих постсоветских странах рассматриваются как некий реликт Советского Союза. И поскольку местные элиты не жаждут возврата СССР, у коммунистов периодически возникают серьезные проблемы, вплоть до запрета их организаций.

Поэтому деятельность СКП-КПСС, в общем, носит довольно номинальный или даже имитационный характер. Изначально, видимо, предполагалось, что это движение представителей левых сил навстречу друг другу может превратиться из советской традиции в элемент постсоветской интеграции, сработает на усиление интеграционных процессов в Евразии, однако этого не произошло.

Ситуацию не смогло спасти и то обстоятельство, что после довольно сложной аппаратной борьбы в 2001 г. руководителем СКП-КПСС стал глава КПрФ Г.Зюганов. Наличие СКП-КПСС повышает международный авторитет КПрФ, но в общем не создает инструментов ее влияния на ситуацию в других странах СНГ и в национальных партийных организациях. На сегодняшний момент в состав СКП-КПСС входит 15 компартий (3 из которых представляют частично признанные или непризнанные республики – Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье). При этом парламентское представительство и устойчивую электоральную базу имеют только компартии России и Белоруссии. По одному депутату в своих парламентах имеют на сегодняшний день коммунисты Таджикистана и Приднестровья, во всех остальных странах коммунисты остаются политическими маргиналами.

Таким образом, попытка использовать творчески переработанные коммунистические подходы для решения текущих политических задач на постсоветском пространстве в долгосрочном плане не дала желаемого результата. Вероятность позитивной динамики развития коммунистических движений в странах СНГ при эрозии их социальной базы (повсеместное сокращение численности промышленных рабочих и инженерно-технического персонала), достаточно индифферентном отношении молодежи к коммунистическим идеалам и на фоне попыток других политических сил – в том числе исламистов в Центральной Азии – перехватить у левых инициативу борьбы за социальные и политические права широких слоев трудящихся остается относительно невысокой.

* * *

За десятилетия после распада СССР, левым силам не удается переломить негативную для них тенденцию – постепенного оттеснения этих партий с политического поля, маргинализации их в рамках политического процесса. Коммунистам и социалистам все сложнее не только вести борьбу за власть в соответствующих странах – зачастую им сложно преодолевать даже избирательный барьер (3–5% в зависимости от избирательного законодательства той или иной страны), чтобы попасть в национальный парламент.

В любом случае «левого поворота» в общественном сознании не происходит даже в периоды кризисов (как, например, в 2008–2010 гг.). Эта проблема требует отдельного анализа и осмысления, но одно из объяснений состоит в том, что левые партии плохо организованы, недостаточно влиятельны и зачастую политически пассивны. Достаточно сказать, что неолиберальные реформы в странах постсоветского пространства, при всей

их непопулярности у большинства населения, довольно легко преодолевали сопротивление левых – осуществлялись различные схемы приватизации, происходило сокращение социальных гарантий, увеличивался пенсионный возраст и т.д.

Как следствие одновременной глобализации и постсоветской деиндустриализации, продолжала размываться социальная база левых политических партий, которые позиционировали себя в качестве выразителей интересов определенных социальных страт или классов (рабочих, трудящихся).

Эффектом глобализации объясняется и возникновение новых линий социального напряжения и разделения в обществе, в т.ч. между «глобализированными элитами» и «антиглобалистски настроенными массами». Эта тематика активно эксплуатируется правыми популистами, однако левые ее нередко игнорируют.

У левых партий на постсоветском пространстве зачастую отсутствует четкий идеологический стержень. А если он есть (как у КПРФ), то выглядит не вполне адекватным условиям политической борьбы XXI века. В организационном плане левые партии также переживают нелегкие времена. Они постепенно превращаются в так называемые всеохватные (catch all party, то есть лишенные определенной социальной и идеологической базы партийные образования). Или даже в картельные партии – в рамках которых политики выступают в качестве профессиональных политических антрепренеров, борющихся – в условиях конкурентных или частично конкурентных избирательных систем – с противостоящими им политическими профессионалами за голоса избирателей. Происходит отрыв партийного актива от масс населения, губительный в первую очередь для левых сил.

Левые силы зачастую разобщены, социалисты и коммунисты конкурируют друг с другом за один и тот же сегмент электората. В ряде республик возникло множество социалистических и коммунистических партий, и этот – вызванный амбициями лидеров, идеологическими разногласиями и иными причинами – внутренний раскол левых не преодолен. Например, в Грузии (население около 3,5 млн чел.) существует 3 социалистических и 2 коммунистических партии, и ни одна из них не в состоянии набрать даже 1% голосов избирателей.

Актуальная повестка дня и традиционные для левых вопросы социальной справедливости в последнее время перехватываются новыми конкурирующими политическими силами (например, исламистами в Центральной Азии). И это, ко всему прочему, усиливает новые угрозы безопасности (в т.ч. террористического плана), поскольку расширяет социальную базу экстремистских исламистских организаций.

Резюмируя анализ тенденций развития и перспектив левых сил на постсоветском пространстве, необходимо отметить, что в нынешнем состоянии – с учетом прежде всего имеющихся в их распоряжении организационных и интеллектуальных ресурсов – левые партии остаются либо замкнутыми, почти сектантскими объединениями единомышленников, лишенными реального политического влияния, либо аморфными в идеологическом и организационном плане структурами, не способными к мобилизации сколько-нибудь многочисленных масс населения и не слишком привлекательными для электората. В этих условиях трудно всерьез обсуждать перспективы «левого поворота», возможности мобилизации «левыми» протестных настроений в постсоветских республиках – для такого развития ситуации просто нет оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поттхофф Х., Миллер С. 2003. *Краткая история СДПГ. 1848-2002*. М.: Памятники исторической мысли.
2. Sassoon D. 1996. *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. N.Y.: The New Press.
3. Блэр Т., Шрёдер Г. 2000. Европа: Третий путь – Новая середина. – *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. М.: ИНИОН РАН, с. 88-105.
4. Работяжев Н.В. 2018. Европейская социал-демократия в поисках ответов на вызовы XXI века. – *Мировая экономика и международные отношения*, т.62, №11, с.15-25.
5. Работяжев Н.В. 2018. Реализм и утопия в идеологии европейской социал-демократии. – *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, №3, с.158–180.
6. Работяжев Н.В. 2017. «Левый поворот» британских лейбористов. – *Мировая экономика и международные отношения*, т.61, №12, с.63-73.
7. Гуселетов Б.П. 2011. *Становление социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Восточной Европы и СНГ: идейно-политическая самоидентификация в рамках современного мирового социалистического движения*. М.: Издательство РГТЭУ.
8. Зюганов Г. 1994. *Держава*. М.: Информпечать.
9. Зюганов Г.А. 1993. *Драма власти*. М.: Палей.
10. Зюганов Г.А. 1995. *Россия и современный мир*. М.: Информпечать.
11. Зюганов Г.А. 1997. *География победы. Основы российской геополитики*. М.

12. *Очередные задачи КПРФ*. 2000. М.
13. Зюганов Г.А. 2001. *Глобализация: тупик или выход*. М.: ИТРК.
14. Зюганов Г.А. 2011. *Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-американски»*. М.: Эксмо.
15. Зюганов Г.А. 2018. *Россия под прицелом глобализма*. М.: Эксмо.
16. Программа партии. – *Официальный сайт КПРФ*. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения 23.11.2019).
17. Г.А.Зюганов: Наша формула будущего – это Святая Русь, российская державность и советская справедливость. Выступление Г.А.Зюганова 9 октября 2019 г. – *Официальный сайт КПРФ*, 09.10.2019. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/188562.html> (дата обращения 23.11.2019).
18. О партии. Краткая справка. – *Официальный сайт КПРФ*. URL: <https://kprf.ru/party/> (дата обращения 29.11.2019).